

РЕЦЕНЗИИ

ЭО, 2007 г., № 5

© А.Я. Массов. Рец. на: Л.А. Иванова. *Куковская коллекция Петербургской Кунсткамеры: проблемы источниковедения и атрибуции*. М.: Наука, 2005. 308 с., 104 ил.

В монографии старшего научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН Л.А. Ивановой прослеживается история появления, уточняются состав, атрибуция и дается всестороннее этнографическое описание экспонатов так называемой Куковской коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Эта коллекция была передана главному командиру (губернатору) Камчатки М.К. Бему участниками третьей экспедиции Дж. Кука на кораблях "Резолюшн" и "Дискавери" (1776–1780) во время посещения гавани Св. Петра и Св. Павла весной 1779 г. Она занимает особое положение в коллекциях музея – как в силу своего возраста, принадлежности к сборам участников последней экспедиции великого английского мореплавателя, так и, прежде всего, с точки зрения научной значимости. Экспонаты Куковской коллекции, по крайней мере их гавайская часть, представляют собой собрание артефактов, отражающих материальную культуру коренных жителей еще до начала их контактов с европейцами. Как отмечает Л.А. Иванова, "имя, возраст, богатейший набор первьих изделий поставили данную коллекцию в ряд самых ценных и престижных в Музее" (с. 6).

За более чем двухсотлетнюю историю хранения в учреждениях Академии наук (Кунсткамере, Библиотеке, Этнографическом музее, Музее антропологии и этнографии) Куковская коллекция в определенной мере утратила свою аутентичность. В ходе постоянных перемещений экспонатов, дробления их по разным музеям и отделам, а также в силу изменения форм учета часть экспонатов Куковской коллекции оказалась затерянной в других собраниях, и в то же время ряд предметов, полученных от иных дарителей, был включен в нее ошибочно. Автор монографии ставит своей задачей с помощью приемов "музейного источниковедения" восстановить первоначальный состав коллекции, выявить и атрибутировать сохранившиеся предметы и тем самым в максимальной степени воссоздать целостность, а, стало быть, и научную значимость всего собрания.

С этой целью Л.А. Иванова проделала колоссальную по объему и очень кропотливую работу в архивах МАЭ, Государственного Эрмитажа, Петербургского филиала архива РАН, изучив документы XVIII–XX вв.: систему учета, принципы составления и использования этикеток и коллекционных описей, историю движения экспонатов внутри музея, историю изучения Куковской коллекции и работы с ней таких исследователей, как Ф.К. Руссов, Е.Л. Петри, Л.Г. Розина. Многие из найденных Л.А. Ивановой документов впервые вводятся в научный оборот, часть из них опубликована в приложении. Для более точной и убедительной атрибуции предметов коллекции автор привлекает специальную литературу на нескольких европейских языках, а также использует весь доступный изобразительный материал. Тщательный источниковедческий анализ предмета изучения позволил автору создать хорошо фундированное исследование и сделать ряд существенных открытий и ценных наблюдений. Не последним из них является установление подлинной роли в изучении и реконструкции аутентичного состава этого замечательного собрания его первого исследователя – хранителя Этнографического музея и позднее МАЭ Федора Карловича Руссова.

Специальная глава монографии посвящена истории дарения и поступления Куковской коллекции в Кунсткамеру. Автор монографии опровергает устоявшееся в зарубежной научной литературе мнение о том, что коллекция артефактов, собранных в ходе кругосветного плавания и поднесенных М.К. Бему на Камчатке в 1779 г., являлась платой англичан за услуги, оказанные им русскими по снабжению и ремонту кораблей экспедиции. Изучение архивных документов, старинных публикаций и дневников участников третьей экспедиции Дж. Кука позволяет Л.А. Ивановой вполне доказательно утверждать, что эта коллекция стала даром путешественников представителю страны, с которой Великобритания в тот период находилась в дружественных отношениях, знаком

Александр Яковлевич Массов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, профессор кафедры северо-американских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

признательности англичан за теплый прием и безвозмездную помощь, оказанные им на Камчатке (с. 21–22). Об этом же свидетельствует и продуманный подбор предметов, вошедших в предназначенное к дарению собрание.

Для более точного выявления, атрибуции и последующего описания поступивших в Кунсткамеру предметов Куковской коллекции Л.А. Ивановой пришлось не только осуществить анализ документации XVIII–XX вв. по учету экспонатов (и создать при этом классификацию этикеток и идентификационных номерных знаков), но и провести в известной мере филологическое исследование. Так, "зефиры" из красных и желтых перьев, отмеченные в описи Бема, означали в конце XVIII в. вовсе не веера или опахала, как было принято считать до сих пор, а девичьи или женские головные украшения. Именно такое значение имело это слово в русском языке того времени. Речь идет, таким образом, о хорошо известных специалистам по этнографии народов Океании *ле-ях* – гавайских украшениях, которые молодые женщины надевали на голову и на шею (с. 53).

Отслеживая движение предметов этого собрания по учреждениям Императорской Академии наук, Л.А. Иванова смогла вновь обнаружить 9 из 15 гравюр, изначально входивших в Куковскую коллекцию. Они были выполнены по мотивам рисунков и картин, созданных художником У. Ходжесом – участником второго кругосветного плавания (1772–1775) Дж. Кука – в ходе экспедиции. Гравюры были отпечатаны в Лондоне для иллюстрации дневников второго путешествия великого английского мореплавателя. 15 первых подарочных оттисков еще с латинскими подписями, замененными в издании на английские, и были подарены в 1779 г. М.К. Бему участниками третьего кругосветного плавания Дж. Кука. В конце XIX в. 9 сохранившихся гравюр с портретами коренных жителей островов Океании были обнаружены Ф.К. Руссовым в Библиотеке Академии наук, возвращены в музей, а затем помещены уже в библиотеку МАЭ. Однако, хотя гравюры и были известны современным исследователям, в XX в. знание об их истинном характере было утрачено, и сами гравюры более не воспринимались как часть Куковской коллекции. Их считали фрагментом распавшегося альбома к дневникам второго плавания Дж. Кука. Л.А. Иванова вслед за Ф.К. Руссовым показала подлинное назначение этих редчайших сегодня оттисков как дарственных экземпляров и вновь доказала их принадлежность к коллекции, переданной англичанами русским. Автор не только составила описание обнаруженных гравюр, но и атрибутировала их, а также определила их научную значимость – и как этнографического источника, и как "исторической, этнографической и художественной реликвии" (с. 118).

Более того, сам характер этих первых гравюрных оттисков с латинскими подписями, предназначенных для коллекционеров-ценителей, дает возможность автору высказать обоснованное предположение о том, что такой дар был задуман и подготовлен еще в Лондоне с учетом предстоящего захода кораблей экспедиции на Камчатку.

В ходе исследования Л.А. Иванова смогла уточнить состав Куковской коллекции. При этом ей пришлось исключить из ее состава 12 предметов, "приписанных" к коллекции позднее без достаточных оснований, а также ввести в коллекцию 4 предмета – 2 палицы с о-вов Тонга и ожерелье и перьевую лей с Гавайских о-вов. Они были доказательно идентифицированы автором как первоначально принадлежавшие Куковской коллекции, но позднее из-за ошибок в регистрации и учете выпавшие из нее. В настоящее время Куковская коллекция, по мнению Л.А. Ивановой, насчитывает 24 этнографических артефакта и 9 гравюр. Кроме того, 8 предметов могут быть отнесены к коллекции предположительно. Список экспонатов, составляющих Куковскую коллекцию, предметов, предположительно к ней принадлежащих, а также список того, что еще следует разыскать, представлен на с. 266.

Изучение артефактов Куковской коллекции, происходящих с Гавайских о-вов, Таити и Тонга, позволило автору исследованию реатрибутировать ряд экспонатов. Так, некоторые из гавайских накидок Л.А. Иванова определила как перьевые воротники, привезенные российскими кругосветными мореплавателями первой четверти XIX в., при этом высказав ряд соображений, позволяющих дифференцировать перьевые накидки и перьевые воротники (с. 127–142). Гавайский "деревянный кинжал, украшенный звериным хвостом", автор атрибутирует как жезл глашатая, используемый и для игры *но-а* (с. 173–178). Полинезийский деревянный кинжал с некоторой долей осторожности атрибутирован как стержень для веера (с. 178–180). Изучение двух тайтянских пекторалей Куковской коллекции привело автора к выводу об их парном характере, а также дало возможность доказать, что это не военные доспехи, как считают некоторые исследователи, а детали жреческого одеяния, носившие знаковый характер (с. 196–207). Подробно, с учетом имеющихся аналогов в коллекциях других музеев мира, дано этнографическое описание каждого из экспонатов Куковской коллекции Кунсткамеры.

Монография Л.А. Ивановой написана хорошим литературным языком. Уяснению исторических обстоятельств и фактов помогают обширные биографические справки о персонажах исследования – участниках экспедиций Кука, русских чиновниках, принимавших английских мореплавателей на Камчатке, историках и этнографах, занимавшихся изучением Куковской коллекции Кунсткамеры. Доказательную базу исследования во многом делает более убедительной большое количество иллюстраций, включенных в книгу. К сожалению, большая их часть не цветные, а черно-белые.

К числу недостатков монографии следует отнести удивительно большое для академического издания количество опечаток. Небрежно составлены указатели имен и географических названий. Автора можно упрекнуть в наличии некоторых повторов (с. 5 и 224, с. 53 и 139), а также в ряде неточностей. Великий князь Константин Павлович не был старшим сыном Павла I (с. 67). Им был, как известно, Александр Павлович, будущий император Александр I. На с. 252 использована устаревшая аббревиатура ЦГИА для обозначения Российского государственного исторического архива (РГИА). Хотелось бы также видеть более проработанными рассуждения автора о происхождении волос, которыми оторочены края таитянских пекторалей. Предположение о том, что это, скорее всего, седые человеческие волосы, выглядит не слишком убедительным (с. 201–202).

Вместе с тем отмеченные недочеты не снижают высокой оценки рецензируемой монографии. Исследование Л.А. Ивановой позволило восстановить в максимально возможной на сегодняшний день полноте Куковскую коллекцию Кунсткамеры и тем самым повысить ее научную значимость. Труд автора окажет неоценимую услугу специалистам, изучающим историю и этнографию народов Океании, историю географических открытий в этой части земного шара. Несомненно также, что методика исследования состава музейных коллекций, его эволюции в историческом времени и музейном пространстве, предложенная в рецензируемой монографии, найдет свое применение в других музеях страны. Книга Л.А. Ивановой представляет собой заметный вклад в отечественное музееведение, в историю российской этнографии и – в более широком контексте – в изучение истории российской науки и культуры в целом.